

Тареев М. М. Ортобиоз: (Оптимистическая наука и нравственность). [Рец. на: Мечников И. И. Этюды о природе человека. М., 1907; Он же. Этюды оптимизма. М., 1907] // Богословский вестник 1908. Т. 3. № 12. С. 560–582 (3-я пагин.).

Ортобиозъ.

(Оптимистическая наука и нравственность).

Ортобиозъ—нравственный идеаль, начертанный въ двухъ книгахъ И. И. Мечникова *Этюды о природѣ человека* (Москва 1904) и *Этюды оптимизма* (Москва 1907). Книги захватывающаго интереса. Наше вниманіе онѣ останавливаютъ на себѣ какъ оригинальный опытъ естественно-научнаго обоснованія стройнаго жизневоззрѣнія и, въ частности, этики.

Въ этихъ книгахъ читатель встрѣчаетъ разсужденія о дисгармоніяхъ въ человѣческой природѣ и жизни, о болѣзняхъ, старости и смерти, объ оптимизмѣ и пессимизмѣ, о естественно-научной нравственности. Путемъ обсужденія этихъ темъ авторъ построяетъ свое оптимистическое міровоззрѣніе, причемъ центральнымъ для него является вопросъ о естественной, или фізіологической (въ отличіе отъ патологической) старости и смерти, о научной борьбѣ съ болѣзнями и преждевременною старостью, о продленіи человѣческой жизни до того предѣла, когда появляется или долженъ появляться инстинктъ смерти.

Основной ходъ мыслей, объединяющій все эти предметы, таковъ. Человѣкъ, произшедшій отъ какой-нибудь человѣкообразной обезьяны, унаслѣдовалъ организацію, приспособленную къ условіямъ жизни совершенно инымъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ ему приходится жить. Одаренный несравненно болѣе развитымъ мозгомъ, чѣмъ его животныя предки, человѣкъ открылъ новый путь въ эволюціи высшихъ существъ. Такое быстрое измѣненіе природы привело къ цѣлому ряду органическихъ дисгармоній, которыя тѣмъ сильнѣе давали себя чувствовать, что люди стали умнѣе и чувствительнѣе

Отсюда—цѣлая вереница несчастій, которыя бѣдное чело-
вѣчество старалось устранить всѣми доступными ему сред-
ствами. Но величайшій разладъ человеческой природы за-
ключается въ патологической старости и въ невозможности
дожить до инстинкта естественной смерти. Сознвая безси-
лие челоѣчества возстановить столь желанную гармонію,
многіе примирились съ пассивнымъ фатализмомъ и стали
даже думать, что жизнь человеческая есть родъ ироніи
судьбы и составляетъ ложный шагъ въ развитіи живыхъ
сущестѡ. Точная наука, развиваясь медленно, но въ опре-
дѣленномъ направленіи, попыталась наконецъ взять дѣло
въ свои руки. Она борется успѣшно съ болѣзнями, она
устранить и патологическую старость. Въ этомъ единствен-
ное основаніе оптимистическаго жизневоззрѣнія. На во-
просъ: „откуда приходимъ мы?“—наука можетъ дать только
одинъ отвѣтъ: „человѣкъ есть родъ обезьяняго урода, ода-
реннаго большимъ умомъ и способнаго пойти очень да-
леко“. На вопросъ: „куда идемъ мы?“—наука также можетъ
дать единственный отвѣтъ: насъ ждетъ смерть, которая есть
полное уничтоженіе. Но тогда какъ прежде такой отвѣтъ
вселялъ въ наше сердце ужасъ, вслѣдствіе условій, въ ко-
торыхъ настигало человѣка это неизбѣжное уничтоженіе,—
съ точки зрѣнія науки смерть является благодѣяніемъ,
нормальнымъ концомъ. Смерть, какъ уничтоженіе, является
невыносимой, когда она встрѣчаетъ человѣка, который еще
не закончилъ своего фізіологическаго развитія и вполне
обладаетъ жизненнымъ инстинктомъ. Но инстинктъ смерти,
завершающій продолжительную старость, измѣняетъ все
дѣло. Вѣроятно, этотъ инстинктъ долженъ сопровождаться
чуждымъ ощущеніемъ, лучшимъ, чѣмъ все другія ощуще-
нія, которыя мы способны испытывать. Быть можетъ, тревож-
ное исканіе цѣли человеческой жизни и есть не что иное,
какъ проявленіе смутнаго стремленія къ ощущенію наступ-
ленія естественной смерти. Въ немъ должно быть нѣчто
сходное съ неопредѣленными чувствами молодыхъ дѣвствен-
ницъ, предшествующими настоящей любви. Между тѣмъ,
умирая при современныхъ условіяхъ, при полной привязан-
ности къ жизни, при рѣшительномъ отсутствіи инстинкта
смерти, люди не въ состояніи ощущать всей прелести
смерти,—и ихъ можно сравнить съ женщинами, вышедшими

замужъ ранѣ развитія своей половой потребности и умирающими во время родовъ, не испытывъ, что такое настоящій любовный инстинктъ. Успѣхи культуры вообще и медицины въ очень значительной степени уменьшили число такихъ женщинъ; надо надѣяться, что наука достигнетъ такихъ же успѣховъ по отношенію къ инстинкту естественной смерти.

Однако эту надежду вельзя назвать твердо обоснованной. Въ самомъ дѣлѣ, бросается въ глаза уже то, что среди ученыхъ нѣтъ согласія по вопросу о причинахъ старости и о путяхъ къ замѣнѣ старости патологической старостью физиологическою. И. И. Мечниковъ видитъ эти причины—въ кишечной флорѣ, въ тѣхъ микробахъ, которые размножаются въ бесполезной толстой кишкѣ и отравляютъ организмъ, и въ той побѣдѣ, которую одерживаютъ фагоциты и именно макрофаги надъ благородными элементами организма. Къ этому примыкаютъ и рекомендуемые имъ режимъ и терапія для достиженія долголѣтія. Но это одно изъ десятковъ разнообразныхъ мнѣній по данному вопросу. Строить на такой гипотезѣ, и единственно на ней, философію жизни—по меньшей мѣрѣ странно. Но философія г. Мечникова встрѣчаетъ на своемъ пути болѣе рѣшительныя затрудненія, которыхъ онъ однако не замѣчаетъ. Самъ же онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что чувство жизни, или инстинктъ жизни, т. е. привязанность къ ней, появляются у человѣка сравнительно поздно и, во всякомъ случаѣ, отличаютъ пожилой возрастъ отъ молодости. Для молодыхъ разстаться съ жизнью несравненно легче, чѣмъ для взрослыхъ и стариковъ. Обозрѣвая пессимистическія системы, г. Мечниковъ наблюдаетъ, что обычно онѣ создавались философами или въ болѣзнь или въ молодости. Ихъ причина—отсутствіе чувства жизни, которое появляется въ старости и дѣлаетъ пожилыхъ людей оптимистами. Гёте, на которомъ г. Мечниковъ останавливается особенно внимательно, въ молодости былъ пессимистомъ, а въ старости оптимистомъ. Этотъ законъ г. Мечниковъ можетъ провѣрить и на себѣ. Въ предисловіи къ первой книгѣ онъ сообщаетъ о себѣ, что онъ началъ очеркомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1871 года, въ которомъ впервые высказалъ соображенія о дисгармоніи человѣческой природы, какъ источникъ большихъ бѣдствій. „Мнѣ казалось,

что основной изъянъ человѣческой природы долженъ неизбежно привести къ отрицанію существованія, и вскорѣ я приступилъ къ разработкѣ вопроса о самоубійствѣ, надѣясь найти достаточно фактическихъ данныхъ въ пользу моей точки зрѣнія... Положительное знаніе мнѣ казалось способнымъ обосновать пессимистическое міровоззрѣніе, въ которомъ я укрѣплялся все болѣе и болѣе. Юношеская чувствительность съ своей стороны давала ему значительную пищу... Но жизнь шла своимъ чередомъ. Юношеская чувствительность и требовательность отъ жизни смѣнялись болѣе спокойными чувствами зрѣлаго и пожилого возрастовъ“. Пессимистическое міровоззрѣніе смѣнилось оптимистическимъ... Итакъ, что же оказывается? Инстинктъ жизни, являющійся необходимымъ предположеніемъ оптимистическаго жизневоззрѣнія, открывается лишь съ годами, хотя нынѣ извѣстна старость „отвратительная“, патологическая, болѣзненная. Наука, для болѣе радикальнаго обоснованія оптимизма, смѣнить патологическую старость старостью физиологической, жизнерадостною, бодрою. вмѣстѣ съ тѣмъ научный оптимизмъ утверждаетъ на надеждѣ, что продолжительная физиологическая старость обнаружить глубоко заложенный въ природѣ человѣка инстинктъ смерти, причемъ не трудно убѣдиться, что это гипотетическая надежда, ибо въ своихъ энергичныхъ поискахъ г. Мечникову, кажется, удалось только однажды натолкнуться на явное обнаруженіе инстинкта смерти, удалось встрѣтить только одну старушку, желавшую умереть, пресытившуюся жизнью. Но не заключается ли въ этомъ трагическаго противорѣчія? Не важно, у одного или у десяти стариковъ подмѣтилъ г. Мечниковъ инстинктъ смерти, явно открывшійся. Но нѣтъ ли противорѣчія въ томъ, что одновременно и приписывается старости повышенное чувство жизни и выражается надежда на обнаруженіе въ старости инстинкта смерти,—также въ томъ, что это есть совмѣстно надежда на безболѣзненную физиологическую старость и на старческій инстинктъ смерти? Конечно, г. Мечниковъ думаетъ, что съ значительною продолжительностью физиологической старости и будетъ возможность насладиться продолжительною старостью, насытиться жизнью, и будетъ время открыться инстинкту смерти,—и старость будетъ пріятною, и смерть желанною. При всемъ томъ, если

и теперь старикамъ не хочется умирать и они болѣе привязаны къ жизни, чѣмъ молодые, если и теперь чувство жизни растеть съ годами, хотя нынѣ извѣстна старость только патологическая, болѣзненная,—можно ли надѣяться, что эта привязанность исчезнетъ, когда наука продлитъ старость и сдѣлаетъ ее безболѣзненною? Г. Мечниковъ напоминаетъ повѣствованія о давно минувшихъ дняхъ, когда люди, умирая въ глубокой старости, „насыщались жизнью“. Но то были времена, подобныя нашимъ въ фیزیологическомъ отношеніи старости и глубоко отличныя отъ нашихъ въ психическомъ отношеніи. То была юность человѣчества, а нынѣ—его старость. Смерть нынѣ та же фیزیологически, что и тогда, но встрѣчается она человѣкомъ уже не такъ. Ничего въ современной психикѣ не измѣнитъ продленіемъ старости, продленіемъ жизни. Ну, что вы подѣлаете, если нынѣ „старики больше сожальютъ о жизни, чѣмъ молодые“ (Руссо)? Нынѣ старикъ (французскій философъ Ренувье) говоритъ и чувствуетъ: „Когда человѣкъ старъ, даже очень старъ, и привыкъ къ жизни, то умирать очень тяжело. У старика нѣтъ силъ для примиренія со смертію“.. Мало того. Нужно ли желать уничтоженія человѣческаго чувства смерти и замѣны его животнымъ равнодушіемъ къ ней? Какъ забыть глубокую мысль, заключающуюся въ словахъ Цицерона: „жизнь философа есть постоянное размышленіе о смерти“,—и въ словахъ Шопенгауэра: „мало вѣроятно, чтобы безъ смерти могла существовать философія“,—и въ словахъ Гюйо: „религія представляется большею частью размышленіемъ о смерти“?... Что бы стало съ любовью и жертвой, если бы исчезло „человѣческое“ чувство смерти?..

Возвратимся къ изложенію оптимистическаго міровоззрѣнія г. Мечникова. Успѣхи научной медицины образуютъ фундаментъ его позитивнаго міровоззрѣнія. „Огромные успѣхи медицины во второй половинѣ прошлаго вѣка подали надежду на лучшее будущее. Человѣческое существованіе, какимъ оно является на основаніи данныхъ наличной природы человѣка, можетъ радикально измѣниться, если бы удалось измѣнить эту природу. Человѣческая жизнь свихнулась на полудорогѣ, и старость наша есть болѣзнь, которую нужно лѣчить, какъ всякую другую. Разъ старость будетъ излѣчена и сдѣлается фیزیологической, то она приве-

детъ къ настоящему естественному концу, который долженъ быть глубоко заложенъ въ нашей природѣ. Разсматриваемая такимъ образомъ человѣческая жизнь перестаетъ быть нелѣпостью; она получаетъ смыслъ и цѣль, къ которой люди должны сознательно стремиться. Только наука способна рѣшить задачу человѣческаго существованія, и потому ей нужно предоставить самое широкое поле дѣятельности въ этомъ направленіи“. Жизневоззрѣніе г. Мечникова есть научное жизневоззрѣніе и его этическіе взгляды суть взгляды научно-позитивные.

Итакъ, въ чемъ же цѣль и смыслъ человѣческой жизни согласно строго научному воззрѣнію?

„На нормальный конецъ, наступающій послѣ развитія инстинкта смерти, можно смотрѣть какъ на конечную цѣль человѣческаго существованія“. Такъ провозглашаетъ наука. Мечниковъ съ одобреніемъ приводитъ слова Шопенгауэра и стихи Боделера о смерти, какъ о цѣли жизни. Съ своей стороны мы могли бы замѣтить, что Мечниковъ въ своемъ позитивномъ фундаментѣ не имѣетъ точки опоры для усвоенія мистическаго взгляда на смерть въ духѣ Шопенгауэра и Боделера. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслителей, для которыхъ мистическая тайна смерти служитъ источникомъ философіи. Онъ послѣдовательно долженъ относиться къ смерти въ чисто позитивномъ смыслѣ, съ позитивнымъ равнодушіемъ. Онъ долженъ былъ бы говорить о смерти такъ, какъ недавно сказалъ о ней извѣстный русскій мыслитель и публицистъ, который писалъ слѣдующее. „Мистицизмъ имѣетъ свойство все удлинять, расширять, простираетъ „куда - то“, „обезконечивать“. Увитаая мистицизмомъ смерть представляется безконечною, огромною, всезакрывающею. Но вѣдь съ такимъ же правомъ и жизнь можетъ потребовать себѣ мистическаго одѣянія: и подъ его покровомъ она представится еще неизмѣримо безконечнѣе смерти, безконечнѣе смысломъ своимъ, милостью своею, тѣмъ, что она мила, и чѣмъ и почему мила. Хотите „мистицизмъ“—туда, берите его и сюда. А если вы жизнь, ѣду, довольство, литературу признаете только „маленькими эмпирическими фактами“, то позвольте мнѣ и на смерть взглянуть, что вотъ я „простужусь, будетъ воспаленіе легкихъ, поколетъ въ груди, покашляю, и—умру“. Только. Почему не только? Эмпириче-

скій фактъ смерти не длиннѣе всякаго эмпирическаго факта въ жизни, а мистическій фактъ смерти гораздо короче и проще факта жизни подѣ угломъ мистическаго на нее взрѣнія. Мнѣ кажется, наше дѣло на землѣ просто: дѣлай хорошо свое дѣло. И больше—ничего!.. Смерть конечно тяжела, но радость жизни безконечнѣе ея. Смерть „безсмысленна“, ну, а о жизни никакъ этого нельзя сказать, а все „осмысленное“ конечно длителнѣе, *сложнѣе* „безсмысленнаго“. Что такое „безсмысленное“ на концѣ „осмысленнаго“? Точка. Ну, и пусть ставится эта точка послѣ прекрасной книги, какою была наша жизнь. Эта книга мудрая (у всякаго). Эта книга сладкая. Эта книга горькая. И святая, и грѣшная. Безконечная книга! Ничего (во всемъ мірозданіи) нѣтъ столь великаго, неоцѣннаго, дорогого, лучшаго изъ лучшаго, чѣмъ обыкновенная жизнь обыкновеннаго человѣка“... Такъ долженъ былъ бы разсуждать и г. Мечниковъ, который не хочетъ знать никакой метафизики, не хочетъ знать „цѣлей“ и „мотивовъ“ природы, не знаетъ и не хочетъ знать никакой религіи, никакой тайны. Какъ же онъ повторяетъ слова Шопенгауэра, что „на смерть слѣдуетъ смотрѣть какъ на настоящую цѣль жизни“, и слова Боделера: *c'est la mort, qui console, hélas! et qui fait vivre; c'est le but de la vie?* (Тутъ же можно было бы припомнить и нашего Ө. Сологуба). Вѣдь Шопенгауэръ могъ это сказать, и Боделеръ могъ это сказать, но г. Мечникову эта мистика смерти совершенно не къ лицу. Смерть не можетъ съ позитивной точки зрѣнія Мечникова служить *цѣлью* человѣческой жизни,—и онъ долженъ сознаться, что не только не знаетъ цѣлей, которыя ставитъ природа человѣку, не знаетъ мистическихъ и религіозныхъ цѣлей, но не знаетъ и цѣлей жизни, которыя могъ бы поставить себѣ самъ человѣкъ. Онъ знаетъ лишь конецъ жизни, но послѣдняя точка книги не можетъ быть названа цѣлью книги. Для позитивизма жизнь безцѣльна!

Отъ мнимой цѣли жизни г. Мечниковъ переходитъ къ смыслу жизни, задачамъ поведенія. Онъ пишетъ: „Прежде чѣмъ дойти до нормальнаго конца жизни, надо пережить цѣлую нормальную жизнь,—жизнь, которая также должна быть удовлетворенной. Познаніе настоящей цѣли существованія значительно облегчаетъ эту задачу, указывая намъ

на поведеніе, котораго надо держаться въ теченіе всей жизни.“

Въ первой книгѣ Мечникова интересны страницы (153—161), на которыхъ онъ затрогиваетъ вопросъ, можетъ ли наука замѣнить религію и философію въ вопросѣ о смыслѣ жизни и нравственности. Сужденія самого Мечникова какъ-то смутны, но онъ приводитъ извѣстныя мнѣнія Ж. Ж. Руссо, Брюнетьера, дю-Буа Реймона, Толстого—о томъ, что не дѣло науки рѣшать эти вопросы, и заявленіе Ш. Рише о томъ, что „наука никогда не давала никакихъ обѣщаній“, что эти обѣщанія можно встрѣтить только въ популярныхъ научныхъ сочиненіяхъ. Мечниковъ какъ-будто принимаетъ мнѣніе Ш. Рише и, по видимому, не одобряетъ популяризаторовъ, Бюхнера и Геккеля, пытавшихся „даже опредѣлить естественную нравственность“ и смыслъ жизни. А между тѣмъ что дѣлаетъ самъ Мечниковъ? Онъ погрѣшаетъ противъ той несомнѣнной истины, что не дѣло естественной науки говорить о томъ, что должно быть,—она ограничивается лишь тѣмъ, что есть.

Въ другихъ мѣстахъ (*Этюды о природѣ человека* стр. 4 сл. и *Этюды оптимизма* стр. 233 слѣд.) Мечниковъ высказывается противъ религіозно-мистическаго построенія этики и усваиваетъ мнѣніе тѣхъ философовъ, которые обосновывали нравственность человѣка на его природѣ и указывали его призваніе въ высшемъ, наивозможно полномъ и наивозможно гармоничномъ развитіи его жизни, всѣхъ способностей его природы. Онъ вноситъ однако поправку и въ ученіе этихъ философовъ. Не принимая религіозныхъ ученій, считавшихъ человѣческую природу въ корнѣ извращенной, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не вполне одобряетъ и тѣхъ, которые въ основу своихъ этическихъ воззрѣній кладутъ человѣческую природу въ ея данномъ состояніи. „Наука открыла намъ, что человѣкъ, происходя отъ животнаго, имѣетъ въ своей природѣ какъ хорошія, такъ и дурныя свойства и что именно послѣднія дѣлаютъ существованіе наше столь несчастнымъ. Но природа людская измѣняема и можетъ быть передѣлана на пользу человѣчества. Нравственность, слѣдовательно, должна основываться не на извращенной человѣческой природѣ, какова она теперь, но на идеальной, т. е. такой, какой должна она стать въ будущемъ. Прежде всего

слѣдуетъ попытаться возстановить правильную эволюцію человѣческой жизни, т. е. превратить дисгармонію ея въ гармонію“. Это и есть ортобіозъ. Какъ цѣль человѣческой жизни и задача человѣческой дѣятельности, *ортобіозъ* заключается въ *завершеніи* *полнаго фізіологическаго цикла жизни* съ *нормальной старостью*, *приводящей къ потерѣ жизненнаго инстинкта* и *къ появленію инстинкта естественной смерти*.

Это, прежде всего, этика строго научная. „Улучшеніе человѣческой природы требуетъ глубокаго знанія ея“. Наукѣ должны быть предоставлены всѣ удобства и свобода. „Коль скоро мы пришли къ тому выводу, что мистическія и метафизическія системы не могутъ разрѣшить задачъ человѣческаго счастья и смерти и что одна точная наука способна выполнить это, то оказывается необходимымъ устранять препятствія, мѣшающія ея успѣхамъ.“ Учебные годы должны быть гораздо продолжительнѣе. Чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться масса знанія, тѣмъ больше времени надо будетъ для ея изученія. Этотъ подготовительный періодъ послужитъ прелюдіей зрѣлости и идеальной старости. Старость, являющаяся при настоящихъ условіяхъ скорѣе ненужной обузой для общины, сдѣлается рабочимъ, полезнымъ обществу періодомъ. Старики, не подверженные болѣе ни потерѣ памяти, ни ослабленію умственныхъ способностей, смогутъ примѣнять свою большую опытность къ наиболѣе сложнымъ и тонкимъ задачамъ общественной жизни. Молодые люди большею частью—очень дурные политики. Въ будущемъ эти трудныя и сложныя обязанности будутъ поручены старикамъ. Тогда значительно усовершенствуются политика и правосудіе, современные недостатки которыхъ объясняются отсутствіемъ прочныхъ основъ. Въ связи съ этимъ Мечниковъ высказывается противъ современныхъ кумировъ, какъ-то всеобщая подача голосовъ, общественное мнѣніе и референдумъ, при которыхъ невѣжественная масса призвана рѣшать вопросы, требующіе разнообразныхъ и глубокихъ знаній. Что касается общественной и общечеловѣческой гармоніи, то и здѣсь приходится рассчитывать только на науку. Прежде думали, что любовь къ ближнему идетъ прогрессируя и обобщаясь. Семейная любовь распространилась на племя, а затѣмъ на націю. Думали, что нѣтъ никакого препятствія для распространенія ея на все человѣчество. Но, со времени чрезмѣрнаго усо-

вершенствованія и распространенія путей сообщенія, туманное понятіе челоуѣчества замѣнилось опредѣленнымъ знакомствомъ съ низшими туземными расами. Убѣдились, что „челоуѣчества“ въ прежнемъ смыслѣ слова нѣтъ и не существуетъ,—такъ велика разниа между первобытными и цивилизованными народами. Точная наука, въ лицѣ напр. знаменитаго нѣмецкаго физико-химика Оствальда (*Vorlesungen über Naturphilosophie*), извѣстнаго Геккеля, сокращаетъ распространеніе общественныхъ чувствъ на весь челоуѣческій родъ, склонна гораздо болѣе ограничивать альтруистическую дѣятельность по отношенію къ людямъ низшихъ расъ, чѣмъ къ своимъ соотечественникамъ или товарищамъ по положенію въ общественной жизни ¹⁾). Объединенія во имя религіознаго идеала наука и совѣтъ не хочетъ знать. Однако она не безпомощна предъ этой задачей. Съ развитіемъ средствъ сообщенія различныя націи все болѣе и болѣе приходятъ въ соприкосновеніе одна съ другой. Поэтому знаніе иностранныхъ языковъ стало одной изъ первыхъ потребностей современной жизни. При этихъ условіяхъ національная связь должна ослабѣть такъ же, какъ ослабѣла семейная связь, но зато враждебность, которая ощущалась къ людямъ, говорящимъ на непонятномъ языкѣ, превратилась въ солидарность, когда стали ихъ понимать. Признаніе же истинной цѣли челоуѣческаго существованія и науки, какъ единственнаго средства къ ея достиженію, можетъ служить идеаломъ для объединенія людей. Вокругъ него они будутъ группироваться, какъ вокругъ религіознаго идеала.

Въ вопросѣ о личной нравственности Мечниковъ не согласенъ съ Кантомъ, который „основывалъ теорію нравственности не на чувствѣ симпатіи или доброты, влекущемъ насъ дѣлать добро ближнимъ, а исключительно на чувствѣ долга“. Нравственному ученію Канта могли бы слѣдовать только люди, составляющіе исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ большинство челоуѣчества подчиняется скорѣе своимъ склонностямъ, чѣмъ чувству долга. Кромѣ того, только мало развитой челоуѣкъ можетъ принимать добро отъ всякаго, не задаваясь вопросомъ о томъ, дѣлается ли это добро подѣ

¹⁾ Ср. Мѣ. XXIV, 12

вліяніемъ симпатіи или изъ чувства долга. Но человѣкъ болѣе высокой культуры не приметъ услугъ, сдѣланныхъ не отъ добраго сердца, а по одному чувству долга. Часто даже приходится скрывать свои внутреннія побужденія для того, чтобы не покоробить щепетильности того, для котораго совершается нравственный поступокъ. По Канту нужно дѣйствовать такъ, чтобы принципъ личной воли всегда могъ служить одновременно основаніемъ всемірнаго законодательства. Ложныя обѣщанія, кражи, самоубійство, по этому принципу, безнравственны, потому что не могутъ быть общепринятыми. Но Кантъ имѣетъ въ виду только одну сторону задачи. Нравственное поведеніе очень часто должно быть ограничено и не можетъ распространяться на все человѣчество. Такъ, напримѣръ, еслибы кто-нибудь, жаждущій принести себя въ жертву для блага ближнихъ, захотѣлъ оцѣнить свой поступокъ на основаніи формулы Канта, онъ долженъ былъ бы вывести то же заключеніе, какъ и относительно самоубійства: если бы всѣ жертвовали жизнью для другихъ, то въ концѣ концовъ никто не остался бы въ живыхъ. Слѣдовательно, принесеніе жизни въ жертву другимъ—безнравственный поступокъ и т. п. Ясно, что Кантъ въ поискахъ за рacionales основой нравственности нашелъ только ея внѣшнюю форму, въ которой отсутствуетъ внутреннее содержаніе нравственности. Для нравственнаго человѣка недостаточно руководствоваться однимъ сознаніемъ долга,—ему необходимо еще и знать, къ какому результату привести его поступки. Если безнравственно дѣлать ложныя обѣщанія, то это потому, что никто не будетъ болѣе довѣрять имъ, а между тѣмъ довѣріе необходимо для блага людей. По формулѣ Канта, воровство порицаемо, потому что, ставши общераспространеннымъ, оно сдѣлаетъ собственность невозможною. Послѣдняя же, вообще говоря, составляетъ благо для людей. Самоубійство противорѣчитъ принципамъ Канта, потому что оно привело бы къ пресѣченію рода человѣческаго. Жизнь же есть благо, котораго не слѣдуетъ растрачивать. Несмотря на всѣ старанія Канта основать свою теорію рacionales нравственности помимо понятія объ общемъ благѣ, ему не удалось устранить послѣдняго. Мечниковъ вычитываетъ у Канта мысль, что рacionales этика не должна сообразоваться съ человѣческой природой въ ея настоящемъ видѣ,—

и эта мысль, очевидно, подходит къ воззрѣнію Мечникова. Но онъ не могъ бы согласиться съ тѣмъ оттѣнкомъ въ мысли Канта, что будто нравственная воля въ состояніи видоизмѣнить природу, подчинивъ ее своимъ собственнымъ законамъ. Болѣе въ его духъ истолкованіе формулы Канта у Паульсена, по мысли котораго „этические законы должны быть такими правилами, которыя могутъ служить естественнымъ законодательствомъ человѣческой жизни. Другими словами, это—правила, которыя, управляя поведеніемъ какъ законъ природы, имѣли бы въ результатъ сохраненіе и высшее развитіе человѣческой жизни“.

Съ другой стороны Мечниковъ отступаетъ и отъ этическихъ воззрѣній Герберта Спенсера, который учитъ, что нравственность должна быть направлена къ достиженію возможно болѣе полной и широкой жизни. Лѣнь и пьянство, по общепринятому мнѣнію, безнравственны, но потому ли, что они мѣшаютъ „полной и широкой жизни“ по формулѣ Герберта Спенсера? Вѣдь именно ею оправдываютъ сторонники этой теоріи всякія излишества, безъ которыхъ полнота и широта жизни имъ кажутся невозможными. Несмотря на то, что такіе пороки, какъ лѣнь и пьянство, тѣсно связаны со свойствами человѣческой природы, они безнравственны, потому что мѣшаютъ завершенію цикла идеальнаго человѣческаго существованія. Далѣе. Слишкомъ большая сложность жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ для Герберта Спенсера является признакомъ прогресса,—по мнѣнію Мечникова, это невѣрно. Спенсеръ говоритъ о пищѣ, ея разнообразіи и приготовленіи. Однако несомнѣнно, что сложность ея вредна съ точки зрѣнія фізіологической старости и что болѣе простая пища менѣе цивилизованныхъ народовъ полезнѣе. Съ этой точки зрѣнія, истинный прогрессъ заключается въ устраненіи современной кухни и въ возвратѣ къ простой ѣдѣ нашихъ предковъ. Истинная гигиена не одобряетъ также слишкомъ большую дифференцировку въ современныхъ одеждахъ и жилищахъ. Тогда какъ роскошь, сдѣлавшая людямъ такъ много зла, вполне входитъ въ формулу перехода „отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности“. Мечниковъ объясняетъ ее пессимистическимъ міровоззрѣніемъ. Пессимистическая мудрость поучаетъ, что надо сколь возможно болѣе наслаждаться жизнью, такъ какъ

человѣкъ неспособенъ разрѣшить задачи о цѣли существованія. Ученіе это сдѣлалось руководящимъ и привело къ жизненной организаціи, которая все прогрессировала по этому эпикурейскому пути. Но какъ только смыслъ и цѣль жизни становятся опредѣленными, истинное благо не можетъ болѣе заключаться въ роскоши, противной усовершенствованію нормальнаго цикла человѣческой жизни. Въмѣсто того, чтобы злоупотреблять всѣми наслажденіями, молодые люди, убѣжденные, что это повело бы къ печальнымъ, патологическимъ послѣдствіямъ старости и смерти, будутъ, наоборотъ, скромностью и умѣренностью готовить себя физиологическую старость и естественную смерть. Даже не принимая гипотезы инстинкта естественной смерти, завершающаго нормальную жизнь, нельзя отрицать того, что молодость—только подготовительная ступень и что лишь въ извѣстномъ возрастѣ душа достигаетъ своего полнаго развитія. Признание это должно составлять основной принципъ науки жизни и руководить педагогіей и практической философіей. Итакъ, личная нравственность заключается въ такомъ поведеніи, при которомъ можетъ совершиться нормальный циклъ жизни, приводящій къ возможно полному чувству удовлетворенія, которое достижимо только въ преклонномъ возрастѣ. Вотъ почему мы въ правѣ назвать безнравственнымъ человѣка, который въ молодости растрчиваетъ здоровье и силы и этимъ лишаетъ себя возможности ощутить величайшее удовлетвореніе жизнью. Этимъ принципомъ опредѣляются отношенія мужа къ женѣ и матери къ дѣтямъ: каждый для себя и для своихъ близкихъ желаетъ нормальной жизни. Этимъ, по мнѣнію Мечникова, сказано все. Затѣмъ,—въ виду этого, въ интересахъ cadaго и его семьи, необходимо сдерживать свои противообщественные инстинкты. Необходимо, напримеръ, особенно гуманное отношеніе къ прислугѣ. Здоровье господъ очень часто связано съ поведеніемъ прислуги. Она должна жить въ хорошихъ условіяхъ для того, чтобы имѣть возможность добросовѣстно слѣдовать предписаніямъ гігіены. Возьмемъ другой примѣръ, а именно—гнѣвъ. Онъ безспорно вреденъ для здоровья и поэтому долженъ быть обуздываемъ въ интересахъ лица, имѣющаго склонность приходить въ гнѣвное состояніе. Сильный гнѣвъ часто вызываетъ разрывъ сосудовъ, сахарную болѣзнь, а иногда даже развитіе ката-

ракты. Какъ всѣмъ извѣстно, привычки роскоши часто вредны для здоровья. Пресыщающіе обѣды, бессонныя ночи—способны глубоко нарушить правильную дѣятельность органовъ. Увѣренность въ томъ, что роскошная жизнь укорачиваетъ существованіе и мѣшаетъ человѣку достигъ величайшаго удовлетворенія,—будетъ гораздо дѣйствительнѣе противъ роскоши, чѣмъ призывъ къ чувству симпатіи. Въ виду того, что громадное большинство людей въ жизни руководствуется главнымъ образомъ эгоизмомъ, всякая нравственная теорія, имѣющая претензію примѣненія на практикѣ, должна очень считаться съ этимъ обстоятельствомъ. Гербертъ Спенсеръ настаиваетъ на томъ, что для практическаго примѣненія правила нравственности не должны требовать слишкомъ многого отъ человѣка, иначе даже наилучшее ученіе останется мертвой буквой. Онъ однако полагаетъ, что въ будущемъ человѣчество настолько усовершенствуется, что поведеніе станетъ безъ всякаго принужденія, такъ сказать, инстинктивно, нравственнымъ. Англіійскій философъ представляетъ себѣ будущее человѣчество совершенно обратно идеалу Канта. Онъ думаетъ, что міръ будетъ населенъ вовсе не людьми, переполненными чувствомъ долга, противнаго эгоистическимъ наклонностямъ человѣка, а людьми, которые будутъ нравственны по „склонности“, что составитъ истинную прелесть жизни. Идеаль этотъ такъ далекъ отъ дѣйствительности, что трудно составить себѣ понятіе о порядкѣ вещей при его исполненіи. Весьма вѣроятно, что міръ вовсе не былъ бы такъ прелестенъ, если бы былъ населенъ одними людьми со слишкомъ развитыми чувствами симпатіи. Последняя большею частью является реакціей противъ какого-нибудь великаго зла. Когда же само зло исчезнетъ, то она можетъ стать не только бесполезной, но даже стѣснительной и вредной. Такъ какъ несомнѣнно, что съ прогрессомъ цивилизаціи великія бѣдствія человѣчества должны будутъ уменьшиться, а быть можетъ, даже и вовсе исчезнуть, то и жертвы, направленные противъ нихъ, также должны будутъ уменьшиться. Раціональная нравственность въ правѣ предвидѣть время, когда люди достигнутъ такой степени совершенства, что вмѣсто удовольствія отъ пользованія симпатіей ближняго они будутъ положительно отвергать ее. Итакъ, въ будущемъ осуществится не *кантовскій* идеаль добродѣтели-

ныхъ людей, дѣлающихъ добро по чувству долга, и не *спенсеровскій* идеалъ людей, ощущающихъ инстинктивную потребность помогать ближнимъ. Будущее человѣчество скорѣе осуществить идеалъ самопомощи, когда люди не станутъ болѣе допускать, чтобы имъ благодѣтельствовали.

Рациональная нравственность не можетъ быть основана на человѣческой природѣ въ ея настоящемъ видѣ. Человѣчество не должно болѣе считать идеаломъ гармоническое функционированіе всѣхъ органовъ—этотъ идеалъ древности, переданный нашимъ временамъ. Незачѣмъ вызывать къ дѣятельности такіе органы, которые находятся на пути къ атрофіи, и многіе естественные признаки, быть можетъ, полезные животному, должны исчезнуть у человѣка. Человѣческая природа, способная къ измѣненіямъ точно такъ же, какъ и природа организмовъ вообще, должна быть видоизмѣнена сообразно опредѣленному идеалу. Садовникъ или скотоводъ не останавливаются предъ данной природой занимающихъ ихъ растений или животныхъ, но видоизмѣняютъ ее сообразно надобности. Точно также и ученый философъ не долженъ смотрѣть на современную человѣческую природу какъ на нѣчто неизбѣжное, а долженъ стремиться измѣнять ее ко благу людей. Конечно, методы, пригодные для растений и животныхъ, должны быть вполне измѣнены въ приложеніи къ человѣку. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о подборѣ и скрещиваніяхъ, примѣнимыхъ къ растеніямъ и животнымъ. При всемъ томъ можно вполне сознательно и дѣлательно идти навстрѣчу предначертанному для себя идеалу, въ отличіе отъ той пассивности, которую рекомендуетъ религія. Можно вмѣшиваться въ природное теченіе жизни. Такъ, когда инстинктъ смерти наступаетъ не въ очень преклонномъ возрастѣ, то ничто не мѣшаетъ сократить жизнь, если смерть медлитъ наступить послѣ появленія этого инстинкта. Такой поступокъ былъ бы сообразенъ съ идеаломъ, хотя шелъ бы наперекоръ сложившейся человѣческой природѣ. Другой примѣръ такого противорѣчія представляетъ намъ размноженіе. Хотя по законамъ природы человѣкъ въ состояніи очень сильно размножаться, однако идеалъ его благоденствія требуетъ ограниченія плодовитости. Ортобіозъ, основанный на знаніи человѣческой природы, предписываетъ ограниченіе этого вполне естественнаго отправления.

Мѣра эта, неизбѣжная уже и теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, должна будетъ распространиться по мѣрѣ новыхъ успѣховъ борьбы противъ болѣзней, а также по мѣрѣ удлиненія жизни и сокращенія войнъ. Она будетъ однимъ изъ главныхъ средствъ уменьшенія грубыхъ пріемовъ борьбы за существованіе и развитія нравственнаго поведенія людей.

Мы, говоритъ Мечниковъ, совершенно неизвѣстны намѣренія природы. Мы не можемъ постичь невѣдомаго, ея плановъ и намѣреній. Оставимъ же въ сторонѣ „природу“ и будемъ заниматься только тѣмъ, что доступно нашему уму. Послѣдній говоритъ намъ, что человѣкъ способенъ на великія дѣла; вотъ почему слѣдуетъ желать, чтобы онъ видоизмѣнилъ человѣческую природу и превратилъ ея дисгармонію въ гармонію. Одна только воля человѣка можетъ достигъ этого идеала.

Такова нравственность по идеалу *ортобіоза*... Что сказать о ней? Ошеломляетъ страшная упрощенность этой этики. Она цѣликомъ исходитъ изъ надежды на сокращеніе кишечной флоры путемъ употребленія кислаго молока, она не идетъ далѣе фізіологической старости. Съ изумительною наивною, Мечниковъ признается: „Меня укоряли въ томъ, что въ моей системѣ гігіена тѣла занимаетъ слишкомъ крупное мѣсто. Но это и не можетъ быть иначе, потому что здоровье играетъ преобладающую роль въ жизни“. Мы уже видѣли, что нравственная теорія Мечникова „очень считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что громадное большинство людей въ жизни руководствуется главнымъ образомъ эгоизмомъ“. Здоровье и эгоизмъ! Кто будетъ спорить противъ того, что здоровье играетъ преобладающую роль въ жизни, что эгоизмъ, естественная любовь къ себѣ, по которой всякій питаетъ и грѣетъ свою плоть,—составляетъ нижній фундаментъ жизни, безъ котораго невозможно никакое этическое построеніе. Ученіе старыхъ стойковъ, что тѣлесные недуги нисколько не вліяютъ на душу и болѣзни не располагаютъ ее къ порокамъ, нужно назвать вмѣстѣ съ Климентомъ Александрійскимъ достойнымъ удивленія. Если оставить въ сторонѣ тѣ исключенія, когда человѣкъ въ силу особенной душевной твердости преодолеваетъ несчастія, болѣзни и бѣдность обращаетъ себѣ въ нравственную пользу,—за этими исключеніями, въ качествѣ общаго правила нужно признать

то, что въ больномъ тѣлѣ, особенно въ дурно рожденномъ и дурно воспитанномъ, не можетъ быть здороваго духа, что отъ недобровольной тѣлесной нищеты не менѣе бѣдствуетъ душа, какъ и тѣло ¹⁾. И снова, если бы вы встрѣтили человека, который *естественно* не любитъ себя, не имѣетъ природной склонности къ земнымъ благамъ, не имѣетъ чувства прекраснаго и возвышеннаго, не знаетъ блаженства познанія и совершенствованія, чуждъ привязанности къ своимъ, къ своей семьѣ, къ своей націи, то не думайте такого изверга, такого урода поднять до высшихъ ступеней нравственности, до восторговъ любви и самопожертвованія ²⁾. Если кто не имѣетъ естественной любви къ себѣ, отъ рожденія не имѣетъ здоровья и отъ природы не знаетъ здороваго эгоизма,—это подобно тому, какъ если бы человекъ былъ свободенъ отъ притяженія къ землѣ, обладалъ воздушною легкостью: какъ въ послѣднемъ случаѣ человеку недоставало бы точки опоры и онъ не могъ бы ни поднять что-нибудь, ни подняться, такъ и естественно не имѣющій чувства земныхъ благъ не способенъ къ высшему нравственному подъему ³⁾. Противъ этого кто будетъ спорить? Но вѣдь и говорить объ этомъ серьезно можно только въ двухъ случаяхъ: или въ полемикѣ съ отвлеченнымъ спиритуализмомъ, или въ педагогическихъ цѣляхъ. И несомнѣнно, для юношества книги г. Мечникова весьма полезны. Какъ необходимъ физическій уходъ за молодостью, такъ и необходимо юношеству выяснять неразрывную связь между грѣхами юности и болѣзнями старости, между индивидуальнымъ поведеніемъ и социальными неурядицами, выяснять личную заинтересованность каждаго въ культурно-общественномъ прогрессѣ и неизмѣримую роль въ послѣднемъ

¹⁾ Ср. Основы христіанства т. III, стр. 72.

²⁾ Ср. Основы христіанства т. III, стр. 82 и т. IV, стр. 128.

³⁾ Любовь къ человѣчеству, какъ простая замѣна отсутствующихъ естественныхъ привязанностей, есть самая ужасная каррикатура, какую только можно себѣ представить. Въ послѣднемъ произведеніи Л. Андреева, *Мои записки*, герой-безумный, затхлый трупъ, самое страшное искаженіе человека,—наиболѣе каррикатуренъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о своей любви къ человѣчеству: „...Не размѣнивая своего чувства любви на мелкія личныя привязанности, я тѣмъ самымъ, одновременно, освобождаю его для широкой и мощной любви къ человѣчеству“.. Это любви бездушнаго истукана, гвѣющей развалины!

знанія. Должно признать желательнымъ въ нравственномъ отношеніи и распространеніе оптимистическаго міросозерцанія, потому что любовь къ жизни является необходимою предпосылкой этического міросозерцанія. И страданіе должно входить въ систему жизнепониманія: страданіе и смиреніе придаютъ нашему міровоззрѣнію черты трагически-возвышеннаго. Гимнъ страданію воспѣлъ Оскаръ Уайльдъ въ *De profundis*, о неизбежности религіознаго смиренія говоритъ Гюйо въ *Irreligion de l'avenir*. Но страданіе идетъ къ намъ навстрѣчу и смиреніе внушается намъ положеніемъ въ мірѣ; отъ насъ же должна исходить любовь къ жизни, ибо она—половина дѣла. „Да и что такое страданіе? Не боюсь его, хотя бы оно было безчисленно... Я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь—но есмь“!... Вотъ полная и сочная философія жизни. Когда же нѣтъ у человѣка красоты жизни, не переживаетъ онъ радости жизни,—ничего онъ не пойметъ въ человѣческомъ и міровомъ существованіи.

Все это такъ. Но подмѣнять *всю* нравственность тѣлесной гигиеной, сводить *всю* этику къ эгоизму, ограничивать *всю* надежды продолжительной старостью, это не менѣе ужасно, чѣмъ самый отвлеченный, головной, мертвый спиритуализмъ. Вся область этики раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ, вся нравственность распадается на нѣсколько ступеней. Иное дѣло—педагогическая сторона нравственности, т. е. нравственность дѣтей, которымъ нужно внушать любовь къ семьѣ, послушаніе, радость жизни; иное дѣло—утилитарно-общезительная, социальная нравственность, которую общество диктуетъ индивидууму, опираясь на желѣзную необходимость и рѣшительную условность положенія личности въ обществѣ; иное, наконецъ, дѣло—интимная нравственность личности, которая чувствуетъ на свой страхъ, базируется на своемъ цѣломъ познаніи жизни, опредѣляетъ свое отношеніе ко всему міру, поднимаясь надъ границами дѣтской обезпеченности и социальной условности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нравственный вопросъ есть вопросъ объ оправданіи жизни, о смыслѣ существованія.

— „Я ли не старалась, всѣми силами старалась, найти оправданіе своей жизни“?

Это говоритъ Анна Каренина, и эти слова можетъ повторить каждая развитая личность. Это самыя жгучія исканія человѣка—исканія смысла жизни, жажда оправдать свою жизнь—оправдать ее предъ своею душою, предъ своею совѣстью. Развитая личность не можетъ жить, если у нея нѣтъ знанія, зачѣмъ она живетъ, если у нея нѣтъ увѣренности, что она идетъ по настоящему пути, дѣлаетъ надлежащее дѣло. Гигіена тѣла, здоровый эгоизмъ, продолжительная старость, чувство жизни, инстинктъ смерти—этимъ не замѣнить смысла жизни, этимъ не закрыть вопроса объ оправданіи жизни, это только „половина дѣла“, фонъ, на которомъ возникаетъ послѣдняя задача нравственной философіи. Она должна отвѣтить на вопросъ, зачѣмъ намъ нужна физически здоровая, эгоистически благоустроенная, продолжительная жизнь. Предъ этимъ-то вопросомъ и бессильна позитивная философія.

И во-первыхъ оказывается несостоятельною *научность* позитивной этики. Позитивная, т. е. истинно-научная этика имѣетъ своею задачею познаніе, а не пониманіе и не объясненіе, не созданіе нормъ жизни. Она удовлетворяетъ прежде всего потребностямъ ума, а не потребностямъ дѣятельности. Такъ пишетъ Леви-Брюль (*Morale et la science des moeurs*). Но вотъ что мы читаемъ у Паульсена въ его *Этикѣ*. „Если бы люди были прежде всего теоретиками, то они могли бы этимъ и удовлетвориться. Дѣло же обстоитъ не такъ: они прежде всего существа, способныя желать и дѣйствовать. Практическія задачи возникаютъ раньше и являются болѣе важными, чѣмъ теоретическія проблемы. Если мы скажемъ, что науки возникли для рѣшенія практическихъ задачъ, то въ этомъ не будетъ большой ошибки. Знанія, по крайней мѣрѣ при ихъ первоначальномъ возникновеніи, являются средствами для практическихъ цѣлей: анатомія и физиологія—для врачебнаго искусства, геометрія—для измѣренія земли. Такъ и философія, или теоретическое знаніе вообще, возникла первоначально благодаря вопросу о значеніи и задачахъ жизни. Далѣе, можно даже сказать, что послѣднимъ основаніемъ, побуждающимъ человѣка думать о природѣ вселенной, остается во всѣ времена потребность дать себѣ отчетъ въ смыслѣ, происхожденіи и цѣли собственной своей жизни. Поэтому въ *этикѣ* находится

первоисточникъ и цѣль всякой философіи. Наука существуетъ для жизни, а не жизнь для науки“.

Второй основной тезисъ позитивной этики тотъ, что нравственность опредѣляется тѣми законами, которыми управляется жизнь. Этотъ тезисъ мы встрѣчаемъ у Раценгофера (Positive Ethik), Леви-Брюля и другихъ представителей позитивной этики. По словамъ перваго, основаніе для нравственности дано въ самой природѣ человѣка и ея законахъ. Нравственность состоитъ въ согласіи воли съ природными законами (*die Uebereinstimmung des Willens mit den Forderungen der Naturgesetze*—S. 116) Нравственные мотивы и цѣли онъ выводитъ изъ данной и неизмѣнной въ существѣ природы человѣка и изъ достигнутыхъ ступеней его развитія. Не воля источникъ нравственности, а развитіе коренящагося въ нашихъ естественныхъ способностяхъ присущаго намъ интереса (S. 66). Нравственно-должное совпадаетъ для человѣка съ велѣніями естественнаго закона (118). Отсюда и задача этики главнѣе всего состоитъ въ изслѣдованіи природныхъ законовъ, опредѣляющихъ человѣческую жизнь. Равнымъ образомъ и Леви-Брюль называетъ моральныя воззрѣнія, господствующія въ томъ или другомъ обществѣ, „данными“, составляющими естественный предметъ изученія для этической науки. Этика должна изучать фактъ совѣсти, какъ она представляется въ разныхъ человѣческихъ обществахъ,—совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ изучаетъ свой предметъ наука физической природы. Разныя морали, т. е. наблюдаемыя системы правилъ, предписаній, императивовъ и запрещеній суть такіе же социальныя факты, какъ факты религій, языковъ и права. Всѣ эти социальныя институты представляются намъ въ равной степени естественными и вмѣстѣ съ тѣмъ солидарными между собою. Моральныя правила обладаютъ такого же рода реальностью, какъ и другіе социальныя факты (*La morale et la science des moeurs* p. 98—99).

Намъ нѣтъ нужды оспаривать этотъ позитивистическій методъ во всемъ его объемѣ. Мы можемъ согласиться съ тѣмъ, что нравственность должна сообразоваться съ природой человѣческой, съ природными законами. Но значить ли это, что природные законы подрѣзываютъ человѣку крылья и не даютъ ни малѣйшаго простора его идеальнымъ устрем-

леніямъ? Нельзя ли, опираясь на самые естественные законы, идти противъ природы, установить встрѣчное теченіе? Извѣстный Крапоткинъ въ своемъ сочиненіи „Современная наука и анархизмъ“ приводитъ выдержку изъ письма къ нему одного біолога, который пишетъ: „Ученые, незнакомые съ естественными науками, бываютъ неспособны понять истинный смыслъ закона природы; ихъ ослѣпляетъ слово законъ и они воображаютъ, что законъ имѣетъ фатальную силу, отъ которой невозможно избавиться. Естественникъ же знаетъ, что наука можетъ парализовать вредныя послѣдствія закона, что часто человѣкъ, идущій противъ природы, одерживаетъ побѣду. Сила тяжести заставляетъ тѣла падать, она же заставляетъ воздушный шаръ подниматься“. Т. е. во имя жизни человѣкъ бываетъ эгоистомъ,—во имя же жизни онъ можетъ дойти до самоотреченія. Или — знаменитый Бергло, утверждавшій, что „одна только наука даетъ непоколебимые основы морали“, различаетъ науку положительную и науку идеальную. „Наука,—пишетъ онъ,—представляется намъ съ двоякой точки зрѣнія: мы различаемъ науку положительную, ту, которая служитъ единственнымъ основаніемъ для всякаго рода приложений—и въ матеріальной области и въ нравственной,—и науку идеальную, обнимающую наши ближайшія надежды, созданія нашего воображенія, и болѣе отдаленныя вѣроятныя предположенія... Человѣческія познанія приобрѣтаются только однимъ методомъ—путемъ наблюденія фактовъ, но для этого существуетъ два источника, одинъ внутренній, другой наружный. Чувства обнаруживаютъ намъ міръ внѣшній: это точка отправленія всѣхъ наукъ физическихъ, естественныхъ и историческихъ. Такимъ путемъ мы познаемъ ничтожество и подчиненность индивидуальнаго существованія по отношенію всего человѣчества въ его прошломъ и настоящемъ,—ничтожность и подчиненность самого человѣчества, подавленнаго и какъ бы поглощеннаго совокупностью безграничной вселенной. Съ этой точки зрѣнія, всякая нравственность сводится къ покорности предъ неизбѣжностью міровыхъ законовъ. Въ этой области все объективно. Наоборотъ, въ мірѣ внутреннемъ, въ мірѣ сознанія, человѣкъ стоитъ одиноко; его разумъ, его чувство являются мѣриломъ всѣхъ вещей. Эти послѣднія существуютъ для насъ только подъ условіемъ быть намъ

извѣстными, съ этой точки зрѣнія онѣ существуютъ только для нашего разума и въ нашемъ разумѣ. Въ этой области все субъективно. Вотъ эти-то два источника, внутренний и внѣшній, откуда происходитъ наше положительное знаніе, являются также источниками нашей нравственности. Какъ рядомъ съ положительною наукою существуетъ наука идеальная, хотя и проистекающая изъ нея, но нерѣдко забѣгающая впередъ и намѣчающая ей дальнѣйшій путь, точно также существуетъ идеальная нравственность, возвышающаяся прихоть и предшествующая развитію нравственности будущаго. Такова была идеальная нравственность греческихъ философовъ, которую восхваляли отцы церкви, приписывая ее чудесному наитію свыше; таково было и нравственное ученіе философовъ XVIII вѣка, высказавшихъ идею равенства, провозглашенную французской революціей. Таково нравственное ученіе современныхъ мыслителей, рисующихъ идеалы будущаго — братство народовъ и всеобщую солидарность людей“...

Таковы голоса изъ лагеря, изъ глубины лагеря, представителей позитивной морали. Непреложность естественныхъ законовъ, управляющихъ человѣческою жизнью, не закрываетъ для насъ возможности идти теченіемъ встрѣчнымъ теченію природы. И самъ г. Мечниковъ, какъ мы видѣли, говоритъ о необходимости сознательнаго вмѣшательства въ теченіе природы, о необходимости обосновывать нравственность не на данной природѣ, исполненной дисгармоніи, а на природѣ человѣческой, какою она будетъ по удаленіи дисгармоніи. Однако, что это за вмѣшательство? Онъ знаетъ только механическое вмѣшательство въ природную жизнь: постоянное питаніе кислымъ молокомъ, болѣе или менѣе обычный искусственный абортъ, иногда самоубійство. Прибавьте сюда знаніе языковъ, необходимое для общечеловѣческой солидарности. Вотъ и все! Міросозерцаніе Мечникова—это, выражаясь языкомъ Н. В. Бугаева, есть міросозерцаніе всецѣло аналитическое, или механическое. Измѣненія, которыя онъ хотѣлъ бы внести въ человѣческую природу, связаны съ данною природою характеромъ непрерывности, это все та же природа въ большемъ или меньшемъ количествѣ. На ряду съ аналитической возможна аритмологическая точка зрѣнія, наряду съ непрерывностью нужно

признать и прерывность, и эта иная точка зрѣнія даетъ начало разнороднымъ явленіямъ, выдвигая въ соотвѣтствіе съ универсальнымъ индивидуальное, съ общественнымъ личное, съ причинностью цѣлесообразность, съ самоутвержденіемъ самоотрицаніе. „Жизнь заключается въ постоянномъ стремленіи дать законный исходъ различнымъ и, повидимому, противоположнымъ влеченіямъ. Въ той антиноміи, которая вносится этими понятіями, кроется тотъ жизненный пульсъ, которымъ проникнуто все, что мыслить, страдаетъ, любить“. Мы все еще „остаемся на одной объективной и научной почвѣ“, но для насъ видна разница между тѣмъ представленіемъ, по которому предметъ нашихъ идеальныхъ стремленій является неизбѣжнымъ и однообразно-всеобщимъ результатомъ естественной эволюціи, и тѣмъ представленіемъ, которое считается съ индивидуальными центрами чувствованія и дѣятельности. Если нѣтъ простыхъ тѣлъ всякой плотности, но каждое простое тѣло есть самостоятельный химическій индивидуумъ, если не всякое сочетаніе звуковъ производитъ гармонію, если природа не есть только механизмъ, а организмъ, въ которомъ дѣйствуютъ самостоятельные и самодѣятельные индивидуумы, то перерожденіе человѣка возможно въ смыслѣ разнороднаго теченія. Это открываетъ совершенно новые горизонты для нашего міросозерцанія. Пусть выше всего стоитъ жизнь и сильнѣе всего ея законы, но во имя той же жизни возможны эгоизмъ и самоотреченіе, и послѣднее уже не будетъ скрытымъ эгоизмомъ. Важно особенно то, что аритмологическая точка зрѣнія нимало не отмѣняетъ аналитической: онѣ вполне совмѣстны. Гигіена тѣла, здоровье, долгоденствіе—это совершенно одно, а духовные интересы, смыслъ жизни, ея оправданіе—это другое. И ограничиваясь механическимъ взглядомъ на жизнь, г. Мечниковъ лишаетъ ее всякаго смысла.

М. Таръевъ.
